

Воспоминанія П. С. Казанскаго объ А. В. Горскомъ ¹⁾.

А. В. Горскій родился въ 1812-мъ году въ Костромѣ, когда отецъ его Василій Сергѣевичъ, кончившій курсъ въ Троицкой семинаріи въ 1807 году, былъ еще свѣтскимъ учителемъ въ Костромской семинаріи. Въ 1815 году отецъ его рукоположенъ въ священники при Успенскомъ Костромскомъ соборѣ, который тогда не былъ еще кафедральнымъ. Главная святыня Успенскаго собора—чудотворная икона Божіей Матери Феодоровская. Здѣсь у А. В. и воспитались въ его юности благоговѣйныя чувства къ Богоматери и усердіе къ церковному богослуженію. Въ 1824 году вступилъ онъ въ семинарію, гдѣ такъ отличался успѣхами и дарованіями, что прибывшій изъ Московской академіи ревизировать семинарію въ 1828 году іеромонахъ Аванасій Дроздовъ (послѣ арх. Астраханскій) прямо изъ философскаго класса 16-ти лѣтняго А. Горскаго назначилъ къ поступленію въ Московскую Академію. И здѣсь А. В. отличался благонавіемъ, прилежаніемъ, благочестіемъ, любовію къ церковному богослуженію и потому состоялъ въ числѣ пѣвчихъ. Проживалъ онъ въ такъ называемыхъ *Аванасъ*—это бывшій тогда номеръ 9-й подъ инспекторскими комнатами, нынѣ номеръ 4-й. Здѣсь на старшемъ курсѣ Горскій былъ старшимъ. Здѣсь впервые и я узналъ его, потому что ходилъ учиться къ братьямъ своимъ, которые курсомъ были ниже Горскаго и жили одинъ въ номерѣ 9, другой въ номерѣ 10. На время утрен-

¹⁾ Эти воспоминанія были частью записаны со словъ П. С. Казанскаго В. О. Ключевскимъ, частью написаны самимъ Петромъ Симоновичемъ для того же лица вскорѣ по смерти А. В. Горскаго.

нихъ классовъ я обыкновенно оставался въ нумерахъ готовить уроки. Нерѣдко случалось мнѣ, когда казалось очень труднымъ перевести какую либо фразу изъ греческой хрестоматіи, обращаться съ просьбой о переводѣ къ А. В. и онъ мнѣ переводилъ; случалось, что при этомъ онъ испытывалъ мои знанія въ греческомъ языкѣ. Мнѣ было тогда отъ 10 до 12 лѣтъ, а ему отъ 18 до 20. Онъ нисколько не затруднялся переводомъ съ греческаго. По латинскимъ переводамъ я, кажется, не обращался къ его помощи, можетъ быть потому, что самъ надѣялся сладить съ трудными мѣстами. Это было въ 1830—1832 гг. Въ холерное время классы продолжались, курили въ комнатахъ хлоромъ, но и молились. По праздникамъ хаживалъ я ко всенощной въ Академію и становился на клиросъ. Не осталось въ памяти, на какомъ клиросѣ пѣлъ А. В. и какъ. Въ классы А. В. ходилъ не опустительно. Не помню, чтобы онъ оставался вмѣстѣ со мною въ N, когда были классы. Впрочемъ тогда и всѣ студенты посѣщали классы неопустительно.

Пробывъ годъ по окончаніи курса наставникомъ Московской семинаріи по церковной и гражданской исторіи, А. В. назначенъ былъ (1833 г.) бакалавромъ церковной исторіи въ Академію. Преподаваніе историческихъ наукъ и особенно церковной исторіи было тогда здѣсь въ жалкомъ положеніи. Въ годъ поступленія А. В.-ча въ Академію преподаватель церковной исторіи Терновскій-Платоновъ переведенъ былъ на гражданскую исторію за плохое преподаваніе своей науки. Его преемникъ Амвросій не училъ и году, какъ переведенъ былъ изъ Академіи на другое мѣсто. Преемникъ Амвросія Платонъ по особеннымъ своимъ убѣжденіямъ, за которыя и пострадалъ потомъ, вмѣсто церковной исторіи читалъ сочиненія г-жи Гюнь, Юнга-Штиллинга и подобныя книги. Его смѣнилъ Филаретъ, впоследствии извѣстный ученый; но онъ годъ только читалъ исторію. Неутомимымъ трудомъ и размышленіемъ достигнувъ послѣ вполне заслуженной извѣстности, Филаретъ въ началѣ своей учебной дѣятельности не могъ сдѣлать что-либо для науки исторіи какъ потому, что только годъ одинъ преподавалъ ее, такъ и потому, что не обладалъ вначалѣ ясностію мысли и способностію выражаться ясно. Чтеніе церковной исторіи опять поручили Терновскому-Платонову. Уже по смерти его въ маѣ въ 1833 г.

сдѣланъ былъ наконецъ счастливый выборъ: назначень былъ А. В. Горскій.

Взгляды А. В-ча на свою науку отразились въ сочиненіи студента Павла Фивейскаго (потомъ Костромскаго архіепископа), напечатанномъ въ 1834 г. и читанномъ на публичномъ экзаменѣ ¹⁾. Студентъ этотъ по лѣтамъ былъ старше своего наставника тремя годами, имѣлъ, если не большія, то и не меньшія свѣдѣнія по предметамъ академическаго курса и съ 1830 года связанъ былъ съ нимъ тѣсною дружбой. А. В. Горскій восполнялъ его своимъ критическимъ талантомъ, котораго не доставало у студента. Этотъ критическій талантъ, можно сказать, въ натурѣ А. В-ча. Сочиненіе это было плодомъ совокупныхъ трудовъ студента и наставника. Митрополиту оно понравилось, и онъ обратилъ вниманіе на молодого бакалавра. При всемъ неутомимомъ трудолюбіи, конечно, не скоро могъ ознакомиться съ своимъ предметомъ и А. В., хотя и обладалъ весьма счастливою памятью. Онъ долженъ былъ одинъ читать то, что теперь раздѣлено между четырьмя наставниками, даже болѣе, ибо патристика и археологія не имѣли особыхъ кафедръ. Археологія и Библейская исторія были выдѣлены только въ 1844 году, (первая для А. К. Соколова), а русская церковная исторія въ 1858 году (для Н. К. Соколова). Приходилось читать едва ли не каждый день; при трудности подготовки къ лекціямъ А. В. по-неволѣ читалъ часто экспромтомъ. Въ два года онъ долженъ былъ прочитать церковную исторію библейскую, общую и русскую. Кажется впервые познакомило его со славянскими рукописями то обстоятельство, что на Академіи лежала обязанность написать сочиненіе о ересьяхъ и расколахъ по предложенію гр. Румянцева. Отдѣльные вопросы изъ этой задачи пытались рѣшать еще прежде, нежели было возложено общее рѣшеніе ея на студента Руднева. Необходимо было обратиться къ рукописямъ. Любознательному наставнику открылся тутъ новый невѣдомый міръ. Карамзинъ указалъ уже, какъ можно имъ пользоваться. Рвеніе къ наукѣ раздѣлялъ съ А. В-чемъ Филаретъ, съ которымъ онъ и связался узами самой тѣсной, самой искренней дружбы.

¹⁾ „Взглядъ на исторію русской церкви“, соч. Павла Фивейскаго. Напечатано отдѣльной брошюрой.

Это былъ такой другъ А. В-ча, подобнаго которому онъ не имѣлъ въ жизни. Ихъ соединяли и любовь къ наукѣ и искреннее благочестіе и нѣсколько поэтическая настроенность обоихъ. Съ одинаковою ревностію начали они работать надъ рукописями, соревнуя другъ—другу, но не вліяя другъ на друга, и все изданное Филаретомъ впослѣдствіи по русской церковной исторіи было сдѣлано въ Академіи въ это время.

Въ концѣ 1835-го года Филаретъ назначенъ былъ ректоромъ Академіи. Это было для нея началомъ новой эпохи. Въ большемъ числѣ стали выписывать нѣмецкія ученыя сочиненія по богословскимъ и церковно-историческомъ наукамъ, началось знакомство съ рукописями Академіи и Лавры. Другъ друга поддерживая, одинъ другого ободряя, начали они въ новомъ видѣ излагать свои науки и указывать студентамъ доселѣ имъ невидимые источники для сочиненій, заявляли новыя требованія. Доселѣ преобладало въ Академіи богословско-философское направленіе, дававшее уму исключительно формальное развитіе. Теперь стало возникать историческое направленіе, возбуждавшее интересъ къ положительному знанію. Вслѣдъ за церковной исторіей оживились и другія академическія науки. Въ 1836 г. нашли уже возможнымъ возложить на студента Н. Руднева изслѣдованіе о ересьяхъ и расколахъ въ Русской церкви. Въ 1838 г. оно было напечатано. Но это сочиненіе, обнаруживъ даровитость студента и весьма значительныя свѣдѣнія его наставниковъ, вмѣстѣ съ тѣмъ показало, что нѣмецкія книги имѣли частію и недоброе вліяніе на усердныхъ тружениковъ. Здѣсь высказанъ былъ лютеранскій взглядъ на церковныя преданія. Это возбудило не мало шума и опасеній; но дѣло кончилось перепечаткою нѣкоторыхъ страницъ, а между тѣмъ послужило полезнымъ урокомъ и для Филарета и для А. В-ча, у котораго митрополитъ усмотрѣлъ тѣ же нѣмецкія неправильныя мудрованія въ лекціяхъ о пророческихъ училищахъ (лекціи эти представлены были на публичный экзаменъ). Доселѣ библейская исторія, составленная митр. Филаретомъ, считалась единственною учебною книгою по этому предмету. А. В. нашель ея оригиналъ: это трудъ Шрекка, котораго она не болѣе какъ сокращеніе. Самъ митр. Филаретъ потомъ рассказывалъ, что разбирая бібліотеку

Петербургской духовной Академіи, онъ встрѣтилъ книгу Шрекка. Достоинства ея побудили его передѣлать ее для русскихъ духовныхъ школъ. Нѣмецкіе разборы этой книги помогли А. В-чу указать ея недостатки и заставили его обратитъ вниманіе на тѣ стороны предмета, которыя опущены были Шреккомъ.

Кажется, что съ 1836 года А. В. увлекался болѣе русской церковной исторіей. Между прочимъ онъ занялся составленіемъ историческаго описанія Троице-Сергіевой лавры, которое въ объемѣ, сокращенномъ почти на половину сравнительно съ рукописью автора, напечатано было въ 1842 году. Сокращенія сдѣлалъ самъ митрополитъ: ему казались излишними нѣкоторыя свѣдѣнія и критическія изслѣдованія, бывшія въ этой рукописи.

Впрочемъ и по библейской и по общей церковной исторіи были уже составлены имъ полные курсы къ тому времени, когда я началъ слушать лекціи А. В-ча (1840—1842 гг.). Изъ ветхозавѣтной исторіи мнѣ остались особенно памяты лекціи объ Авраамѣ. Кажется въ изложеніи ихъ онъ пользовался разсказомъ Гесса. Евангельскую исторію слушали мы съ живымъ сочувствіемъ. Вообще лекціи А. В-ча если не увлекали, то весьма занимали. Въ наше время трое студентовъ П. Палимсестовъ, Н. Соколовъ и Пальмовъ записывали его лекціи каждый классъ, потомъ сличали записанное и составляли уже исправленный списокъ. Этотъ списокъ, помнится, заключалъ въ себѣ до 400 листовъ. Курсъ этотъ распространился по Россіи и сталъ руководствомъ для многихъ въ преподаваніи церковной исторіи, по которой тогда не было пособій на русскомъ языкѣ¹⁾. Лекціи читалъ А. В. очень громко и одушевленно и написаны были онъ довольно живо. Свою аккуратность въ чтеніи онъ доводилъ до нѣкотораго излишества: бывало прибѣжить въ аудиторію минутъ за 5 до срока. Мы тогда были мало подготовлены,

¹⁾ Бѣловой списокъ этого курса, принадлежавшій П. Палимсестову, въ настоящее время имѣется въ библиотекѣ Московской Дух. Академіи. Онъ состоитъ изъ трехъ большихъ томовъ въ картонномъ переплетѣ, изъ которыхъ въ первомъ въ 382 страницахъ (въ размѣрѣ цѣльнаго поллиста обычной писчей бумаги) излагается исторія ветхозавѣтная, во второмъ на 419 стр.—исторія новозавѣтная до 312 года и въ третьемъ на 292 стр.—церковная исторія отъ 312 до 1204 года. *Прим. ред.*

чтобы оцѣнить достоинство этихъ лекцій. Основаніемъ ихъ, кажется, былъ трудъ Неандера. Когда я самъ получилъ довольно свѣдѣній по этому предмету, мнѣ какъ-то не представилось случая перечитать эти лекціи, чтобы составить сознательное сужденіе объ ихъ достоинствахъ. Но ничего противо-церковнаго, ничего, что шло бы противъ нашихъ взглядовъ и убѣжденій, мы въ нихъ не замѣчали. Лекціи были вполнѣ православныя и намъ даже не давали въ руки самого Неандера, чтобы мы не увлеклись его иногда ложными взглядами и сужденіями. Для повторенія къ экзаменамъ по общей церковной исторіи намъ сдавались сокращенныя записки по нѣкоторымъ только отдѣламъ науки. Изъ этихъ лекцій доселѣ (1875 г.) ничего не напечатано кромѣ небольшого отдѣла, помѣщеннаго въ *Христіанскомъ Читаніи* за 1848-й годъ, впрочемъ въ сжатомъ видѣ ¹⁾. Вполнѣдствіи А. В. много дополнялъ и передѣлывалъ свои лекціи по мѣрѣ того, какъ самъ становился самостоятельнѣе въ изученіи церковной исторіи. Онъ перечиталъ всю греко-византійскую литературу. Прекрасно зная греческій языкъ, онъ внимательно слѣдилъ за подлинными выраженіями памятниковъ и это-то давало ему возможность усматривать ошибки у лучшихъ иностранныхъ историковъ церкви, изъ которыхъ ни одинъ, въ чемъ не сомнѣваюсь, не былъ такъ знакомъ съ греко-византійскою письменностію какъ А. В.. Въ первое время онъ не изучалъ исторіи западной церкви въ подробностяхъ. Послѣ она обратила на себя его вниманіе, когда изданіе Миня дало возможность просмотрѣть все, что было писано по этому предмету на латинскомъ языкѣ до 13 вѣка. Изъ западныхъ историковъ онъ съ особенною похвалою относился къ труду Герике въ его послѣднихъ изданіяхъ: это слышалъ я отъ него не разъ. Въ какой степени пользовался онъ исторіей Флери, не знаю, и мнѣ не помнится, чтобы у насъ заходилъ подробный разговоръ объ этомъ трудѣ. Неандера онъ всегда цѣнилъ высоко и считалъ несправедливымъ, что нѣкоторые ставили въ упрекъ Чельцову, зачѣмъ

¹⁾ Въ 1883-мъ году редакціей академическаго журнала были изданы лекціи А. В. Горскаго по Евангельской и Апостольской исторіи на основаніи собственноручныхъ записокъ самого ихъ автора. Эти лекціи существуютъ въ отдѣльной продажѣ. *Прим. ред.*

онъ пользовался Неандеромъ. „Имъ нельзя не пользоваться, говорилъ онъ, только нужно отсѣкать его пристрастныя сужденія и провѣрять нѣкоторыя извѣстія, которыя можно объяснять совсѣмъ иначе, чѣмъ объясняетъ ихъ Неандеръ“.

А. В. навелъ меня на занятіе русской церковной исторіей. Вышла книга мною написанная, но безъ моего имени (Величіе Божіей Матери). Въ *Современникѣ* сдѣланъ былъ очень одобрительный отзывъ объ этой книгѣ, писанный, вѣроятно, Плетневымъ. Въ то время я составилъ описаніе села Новоспасскаго и родословную Головиныхъ. Вмѣстѣ съ ректоромъ Евсеіемъ А. В. обратился ко мнѣ съ вопросомъ, почему я не тружусь для академическаго журнала, гдѣ была помѣщена только одна моя статья *Ученіе Макарія Великаго о благодати*. Это мое студентское сочиненіе, нѣсколько мною передѣланное. Тогда же А. В. предложилъ мнѣ заняться жизнеописаніемъ преп. Іосифа Волоколамскаго. Когда я былъ студентомъ, то писалъ А. В.-чу сочиненіе о религіозномъ состояніи евреевъ во времена судей; въ пособіе мнѣ даны были сочиненія Генстенберга. Жизнь Саввы Сербскаго заставилъ меня писать ректоръ Филаретъ, можетъ быть имѣя въ виду *помощію* живо написанною ученикомъ Саввы Дометіаномъ житія сего святаго рѣшительнѣе привлечь меня къ монашеству. Филаретъ уѣхалъ отъ насъ въ 1841 г. и сочиненіе о Саввѣ сербскомъ я представилъ уже А. В.-чу. Въ этомъ сочиненіи я увлекся болѣе нравственною, чѣмъ историческою стороною, да и не много можно было тогда найти пособій для критической провѣрки и дополненія этого житія. Уставъ св. Саввы былъ намъ доставленъ А. Н. Муравьевымъ. Тогда для *прибавленій къ Твореніямъ св. Отцовъ* я и рѣшилъ составить эту біографію ужъ послѣ, къ чему еще получилъ побужденіе отъ князя сербскаго Михаила, который пріѣзжалъ въ лавру съ А. Н. Муравьевымъ.

Въ нашъ курсъ впервые назначены были студентамъ такъ называемыя *курсовыя* сочиненія для полученія ученой степени. Доселѣ обыкновенно изъ мѣсячныхъ сочиненій избиралось лучшее, которое по одобреніи его академической конференціей и было представляемо въ Св. Синодъ. Историческіе вопросы стали преобладать въ академическомъ преподаваніи и требовалось уже знакомство съ предшествующими трудами по рѣшенію этихъ вопросовъ. Въ 1838 г. со-

чиненіе Мухина о праздникахъ въ честь Богородицы было уже написано подъ вліяніемъ Филарета и А. В. Горскаго. По выходѣ Филарета представителемъ и двигателемъ исторической науки въ Академіи остался одинъ А. В-чъ. Съ 1841 года, когда онъ сталъ бібліотекаремъ, начинается болѣе ощутительное вліяніе его на студентовъ и наставниковъ Академіи. Онъ былъ бібліотекаремъ 20 лѣтъ и всю академическую бібліотеку зналъ доточно, какъ никто. Ни каталога печатныхъ книгъ, ни какого-либо описанія рукописей бібліотеки не было; ихъ замѣняла удивительная память А. В-ча; книги и рукописи были, какъ бы сказать, описаны у него въ головѣ. Е. Е. Голубинскій можетъ засвидѣтельствовать, что когда онъ былъ преподавателемъ Виѣанской семинаріи, А. В-чъ отыскивалъ для него статьи по расколу даже въ рукописныхъ сборникахъ. Ни въ какое время, по крайней мѣрѣ для меня, онъ не отказывался идти въ бібліотеку за нужными мнѣ книгами. Случалось иногда, въ темный осенній или зимній вечеръ побѣжить туда съ фонарикомъ или даже безъ него и подавая съ полокъ одну книгу за другой, спрашиваетъ только, та ли это книга, которую достать требовалось. Онъ могъ въ потьмахъ отыскать въ бібліотекѣ надобную книгу. Для наставниковъ и студентовъ онъ былъ не простымъ бібліотекаремъ, но и бібліографомъ-указателемъ и руководителемъ. Онъ не только давалъ просимую книгу, но при этомъ указывалъ и на другія, гдѣ можно читать о занимавшемъ просителя предметѣ, а потомъ заходила рѣчь о книгахъ, извѣстныхъ ему по рецензіямъ, но которыхъ не было въ академической бібліотекѣ, и тутъ же принималось рѣшеніе выписать ту или другую изъ этихъ книгъ. Наконецъ обратилось уже въ привычку не спрашивать у него той или другой книги, а прямо просить общаго указанія, что прочесть для ознакомленія съ тѣмъ или другимъ вопросомъ. Студенты, прежде чѣмъ обращаться за справками по заданнымъ имъ темамъ къ преподавателямъ, ихъ задававшимъ, обыкновенно прибѣгали за указаніями къ бібліотекарю. Кто писалъ по его предмету, тѣхъ онъ заваливалъ книгами и былъ очень взыскателенъ. Трудно было угодить ему. Студентъ долженъ былъ предварительно развить данную ему тему въ подробный планъ и съ одобренія наставника работать по этому плану. Но къ концу года обыкновенно

венно оказывалось необходимымъ измѣнить этотъ планъ, и самъ наставникъ старался облегчить это дѣло своему студенту работая во всю мочь. Это, конечно, затрудняло студентовъ, но вмѣстѣ и возбуждало ихъ, вызывало строго-серіозное отношеніе къ дѣлу. Впрочемъ въ свои радушные ученые совѣты онъ вносилъ и нѣкоторое цензорство, руководимое осторожностью. Такъ студентамъ онъ часто отказывалъ въ нѣкоторыхъ книгахъ, въ которыхъ, по его мнѣнію, они не могли найти ничего дѣльнаго, чтобы они даромъ не тратили времени. Въ преподаваемой мною наукѣ, всеобщей гражданской исторіи, онъ не имѣлъ специальныхъ познаній, а потому у насъ не заходило и рѣчи объ этомъ предметѣ кромѣ сужденій о выпискѣ того или другаго сочиненія, на что не щедро было академическое начальство по скудости самой суммы, ассигнованной на бібліотеку. При Филаретѣ немало книгъ выписано было на сбереженія изъ экономической суммы, при Евсеѣи насчетъ редакціи академическаго журнала. Со всѣми ректорами А. В-чъ жилъ въ наилучшихъ отношеніяхъ и выписка книгъ предоставлялась его усмотрѣнію. Книги отрицательнаго направленія были запретнымъ плодомъ не только для студентовъ, но и для наставниковъ; онъ проникали въ Академію помимо желанія А. В-ча. Даже Эвальдъ (*Исторія Еврейскаго народа*) не былъ допускаемъ. Между тѣмъ и А. В-чъ и Филаретъ говаривали, что каждому суждено пройти періодъ сомнѣнія, что бояться этого нечего. Но, вѣроятно, не легкую борьбу пришлось вынести въ этомъ отношеніи А. В-чу и впоследствии онъ, кажется, старался ограничить собственную пытливость извѣстными предѣлами. По крайней мѣрѣ, когда я написалъ первую статью противъ принадлежности древнѣйшей лѣтописи Нестору, онъ выразилъ свое неудовольствіе. Пользуясь такими пріемами, говорилъ онъ, можно опровергать все. Но онъ самъ же явился моимъ защитникомъ предъ митрополитомъ, когда онъ, получивъ отъ академика Буткова критику моей статьи, потребовалъ отъ меня объясненія ¹⁾. Митрополитъ удовлетворился объясненіями и моими, и А. В-ча

¹⁾ Петръ Симоновичъ, очевидно, имѣлъ въ виду, свою статью въ I книгѣ Временника Общ. Ист. и Древн. Росс.: *Еще вопросъ о Несторѣ*. Критику Буткова см. въ *Соврем. мѣсячникѣ* 1850 г. № 9.

который передъ нимъ высказался рѣшительнымъ защитникомъ моего воззрѣнія. Когда онъ болѣе созрѣлъ въ своихъ познаніяхъ, онъ спокойнѣе относился къ сочиненіямъ отрицательнаго направленія, потому что увидалъ, что уступку имъ придется сдѣлать только въ частностяхъ, а нападки ихъ на существенное были такъ слабы, что не возбуждали опасеній и могли дѣйствовать только на умы незрѣлые.

При своей удивительной памяти онъ обладалъ необычайной начитанностью, прибрѣтенной многолѣтнимъ немовѣрно усидчивымъ трудомъ. Онъ вставалъ въ 5 часовъ, послѣ чая тотчасъ садился за работу, послѣ обѣда немного отдыхалъ на томъ же диванѣ, на которомъ занимался, и потомъ сидѣлъ до глубокой ночи. Его рѣдко можно видѣть въ обществѣ внѣ монастыря: церковь, аудиторія и бібліотека — между ними дѣлилъ онъ свое время, остававшееся отъ кабинетныхъ занятій. Можно подивиться, что при своей учестости онъ не оставилъ послѣ себя ничего капитальнаго, если не считать его громаднаго совмѣстнаго съ К. П. Невоструевымъ труда по описанію рукописей Синодальной бібліотеки. У него не было желанія быть писателемъ, да и время тому не благопріятствовало. Охранительное вліяніе Филарета слабо поощряло мысль, мѣшало сформировываться выработаннымъ взглядамъ, какому-либо устойчивому отношенію къ научнымъ вопросамъ. Но огромнымъ запасомъ познаній, какой накопился у А. В.-ча, онъ любилъ дѣлиться съ другими. Многіе ученые, думаю, могли бы это засвидѣтельствовать ¹⁾. Это научное общеніе доставляло ему удовольствіе, даже когда ему приходилось оказывать ученныя услуги людямъ лично ему непріятнымъ. Сколько безыменнаго труда положили онъ, дѣлая многотрудныя справки для разныхъ лицъ и обществъ, для самого митрополита Филарета по разнымъ иногда очень важнымъ вопросамъ русской церковной жизни! Русская Церковь не забудетъ этихъ скрытыхъ работъ, въ свое время безшумно исполненныхъ на ея благо. Онъ писалъ или передѣлывалъ цѣлыя диссертациі, извѣстныя подъ другими именами, напримѣръ, о преп. Димитріи Ростовскомъ, о Флорентійскомъ соборѣ.

¹⁾ Между ними Петръ Симоновичъ назвалъ Срезневскаго, г. Сухолиннова.

Пока живъ былъ митроп. Филаретъ, всѣ магистерскія сочиненія въ академіи обыкновенно тщательно исправлялись наставниками. Особенно нужно было наблюдать за изложеньемъ, къ которому митрополитъ чаще всего привязывался, и бранилъ онъ за непоправившіяся ему студенческія сочиненія обыкновенно самого пропустившаго ихъ наставника. „Чего ты смотришь?“ Потому во всѣхъ тогдашнихъ академическихъ сочиненіяхъ по церковной исторіи не только указаніе источниковъ, но и самое изложеніе въ значительной степени принадлежитъ А. В-чу. Вотъ одинъ случай. А. былъ студентъ очень не крѣпкій. Но такъ какъ онъ очень понравился митрополиту, который самъ и постригъ его въ монахи, то на академической конференціи, когда стали читать сочиненіе этого студента, владыка сказалъ: „да это лучше всѣхъ, его (студента) и надобно писать (въ списокъ, не помню, первымъ или вторымъ)“. Прочитавъ былъ только приступъ сочиненія. А. В-чъ замѣтилъ: „мысли для приступа были ему даны“.—„За то онъ умѣлъ хорошо изложить ихъ!“—„И изложеніе не ему принадлежитъ“, скромно добавилъ А. В-чъ. Студентъ былъ записанъ въ списокъ не выше пятаго. Когда онъ потомъ сталъ ректоромъ Московской академіи, не мало горькаго пришлось претерпѣть А. В-чу. Но такъ какъ А. В-чъ былъ человѣкъ необходимо нужный всякому ректору академіи, то между ними постепенно установились хорошія отношенія, хотя дружбы и не было. По напечатаніи диссертациі о Флорентійскомъ соборѣ А. В-чъ съ грустью сказалъ мнѣ: „не могу подарить тебѣ экземпляра этой книги, потому что даже мнѣ за труды мои дали только одинъ экземпляръ“. Это сочиненіе было не исправлено, а прямо все написано вновь А. В-чемъ и стоило ему трехъ мѣсяцевъ работы, которая шла на морщъ глазахъ.

Во всѣхъ своихъ церковно-историческихъ работахъ, что касалось источниковъ, я пользовался указаніями А. В-ча. Онъ всегда воздерживался высказывать свои сужденія объ ученыхъ вопросахъ, даже и тогда, когда я спрашивалъ его объ этомъ. Онъ обыкновенно отвѣчалъ на такіе вопросы: „объ этомъ можно прочитать“ тамъ-то и тамъ-то. Только иногда по усиленной его рекомендаціи какой-либо книги можно было догадаться о его сочувствіи тому или другому воззрѣнію. Иногда и свои сочиненія присылалъ онъ мнѣ

на просмотръ. Такъ *Жизнь Аванасія Великаго* предварительно просматривалъ я и по моему указанію онъ передѣлалъ введеніе къ этому труду, нисколько не побѣтовавъ на мою дружескую сердитую критику. Съ самаго поступленія въ наставники Академіи я началъ сближаться съ нимъ и потомъ мы видѣлись съ нимъ почти ежедневно, нерѣдко вмѣстѣ гуляли, вмѣстѣ ѣзжали въ Москву, въ его родную Кострому и даже къ сосѣднимъ помѣщикамъ, къ Головину подъ Дмитровъ въ село Новоспаское, къ Куманину въ Дубровы по Переяславской дорогѣ за 35 верстъ отъ Сергіева посада, гдѣ и гостили сутокъ по-двое. Разъ на масляницѣ отправились въ Іосифовъ Волоколамскій монастырь, но сдѣлалась оттепель и мы, доѣхавъ до Пѣсношскаго монастыря (25 верстъ за Дмитровомъ), едва не утонули въ оврагѣ и воротились назадъ.

Никогда онъ не былъ вполне откровененъ даже въ совѣтахъ. Вырвется бывало у него какъ-то быстро, точно невзначай слово совѣта или какое-либо задушевное признаніе—и онъ тотчасъ покраснѣетъ, словно въ чемъ провинился. Но онъ любилъ и цѣнилъ мою откровенность. Задавалъ я ему и письменные вопросы духовной жизни. Отвѣты его были очень кратки. Самъ онъ никогда не высказывалъ своего направленія.

До своего посвященія въ санъ священника А. В-чъ ходилъ въ длиннополомъ сюртукѣ археологическаго покроя, въ цилиндрѣ, просившемся на покой, въ шинели съ длиннѣйшимъ капюшономъ. Такимъ одѣяніемъ онъ очень напоминалъ своего досточтимаго сотрудника по описанію рукописей Синодальной бібліотеки Капитона Ивановича Невострюева. Когда ихъ назначили на это дѣло, тогдашніе академическіе остряки говорили, что рукописи будутъ описывать два Капитона.

О своемъ намѣреніи принять священство онъ сказалъ мнѣ уже тогда, когда дѣло это рѣшено было митрополитомъ. Когда я выразилъ недоумѣніе, онъ въ подтвержденіе своего сообщенія привелъ то обстоятельство, что шубу свою отдалъ перешить на ряску. Когда послѣ доклада ректора Сергія о желаніи А. В-ча принять священство онъ явился къ митрополиту, сей спросилъ: „почему же ты давно не сказалъ мнѣ объ этомъ?“—„Я думалъ, что дѣло это трудное, и не

знать, согласается ли на представленіе о семь“.—„Да я никого и не спрошусь“, отвѣчалъ митрополитъ. Принять священство А. В-чъ желалъ для того, чтобы имѣть право предстоять престолу Божию и совершать литургію. Благочестіе его было искреннее, глубокое. Митрополитъ послѣ посвященія сказалъ ему; „желаю, чтобы у тебя нашлось побольше подражателей“. А. В-чъ надѣялся, что я послѣдую его примѣру. Но священникъ для себя, а не для другихъ не удовлетворялъ моему понятію о священствѣ. Можетъ быть, падѣвъ ряску, онъ думалъ, что на него падеть и жребій епископства. По крайней мѣрѣ и я ему говорилъ, что цвѣтная ряска не ограждаетъ его отъ возможности быть избраннымъ въ епископы. Разъ прихожу я къ нему и онъ говоритъ мнѣ: „знаешь ли, что мнѣ нынѣ пригрезилось“. — „Какъ мнѣ знать, что Вамъ грезится?“—„Будто я собираюсь посвящаться въ архіереи, а ты, обратясь ко мнѣ, строго сказалъ: что ты задумалъ? тебѣ ли быть архіереемъ, годишься ли ты въ архіереи,—и говорилъ это такъ строго, что я рѣшилъ оставить это. Я сказалъ на это: „и наяву скажу то же самое, что Вы не годитесь быть архіереемъ“.

Онъ былъ рукоположенъ во священника въ 1860 г. къ московскому кафедральному Архангельскому собору: тогда у Академіи еще не было своей церкви. Гораздо ранѣе, въ 1849 г. по опредѣленію Св. Синода поручено было ему совмѣстно съ К. И. Невоструевымъ описаніе славянскихъ рукописей московской Синодальной бібліотеки. Съ тѣхъ поръ онъ почти исчезъ для академическаго общества, бывъ и прежде его рѣдкимъ гостемъ. Прежде онъ еще игрывалъ въ пятѣчки съ дамами у своихъ семейныхъ товарищей, даже совѣтовалъ молодымъ людямъ не чуждаться общества. Теперь онъ покинулъ свѣтъ, замкнулся въ свою археографическую пустыню. Бывало, когда устраивалась вечеринка у кого-нибудь изъ преподавателей внѣ монастыря, въ верхнемъ этажѣ академическаго корпуса, гдѣ обитали холостые наставники Академіи, было темно во всѣхъ квартирахъ; только въ окнахъ А. В-ча всю ночь теплился огонекъ.

Онъ не былъ обходимъ милостями начальства. Такъ въ 1847 г. „за усердное и полезное исправленіе должности бакалавра церковно-біблейской исторіи“ онъ былъ награжденъ 45 рубл. 35³/₄ коп., а въ 1851 г. „за трудолюбіе и основа-

тельность, съ какими онъ обработалъ во многихъ частяхъ предметы, имъ преподаваемые“, получилъ въ награду годовой окладъ жалованья по профессорской должности 715 рубл. Такъ значится въ его послужномъ спискѣ. Главнымъ, самымъ большимъ его ученымъ дѣломъ было, конечно, его описаніе славянскихъ рукописей Синодальной бібліотеки, которымъ увѣковѣчено его имя. Оно не осталось безъ участія и въ назначеніи его ректоромъ Московской Духовной Академіи въ 1862 году, каковую должность онъ занималъ до конца своей жизни.

Назначеніе его ректоромъ я привѣтствовалъ съ самыми благими надеждами. Съ 1836 г. онъ былъ самымъ довѣреннымъ лицомъ у всѣхъ ректоровъ Академіи и вполне заслуживалъ это довѣріе: ученая часть Академіи лежала на немъ почти исключительно. Съ 1843 г. начали издаваться *Прибавленія къ Твореніямъ св. отцовъ*. А. В-чъ, какъ главный редакторъ, былъ душой этого изданія. Да и кромѣ того черезъ его руки проходило все, что шло изъ Академіи къ митрополиту, все имъ обрабатывалось. Во всѣхъ важныхъ вопросахъ академической жизни спрашивали его мнѣнія. Порою онъ и тяготился возлагаемыми на него дѣлами, но бывало только вздохнетъ и снова примется за работу или побѣгаетъ нѣсколько минутъ по своей комнатѣ, подпоясанный платкомъ по халату.

Митрополитъ не безъ колебанія назначилъ его ректоромъ. Онъ совѣтовался объ этомъ съ о. намѣстникомъ лавры (Антоніемъ), который и указалъ на А. В-ча, какъ на достойнѣйшаго и притомъ такого, который постоянно останется при Академіи. У митрополита было опасеніе, чтобы не подать нежелательнаго ему примѣра назначеніемъ въ ректоры академіи монаха. „Но вѣдь это совсѣмъ монахъ кромѣ цвѣта ряски“, возражалъ владыкѣ о. намѣстникъ. Митрополитъ спросилъ Савву, бывшаго ректора: „кого на твое мѣсто?“—Савва отвѣчалъ: „о. Игнатія“. — „А почему же не Горскаго?“— „Конечно, достойнѣйшаго ректора нельзя выбрать; но если ужъ Вы желали видѣть его ректоромъ, то зачѣмъ же назначали меня?“ — „Ну, тогда нужно было назначить тебя, а теперь можно и Горскаго“. Можетъ быть, причиной колебанія митрополита было и то, что въ Академіи былъ тогда старѣйшій протоіерей П. С. Делицынъ.

А. В-чь принялъ ректорство потому, что его честолюбію льстила надежда быть полезнымъ Академіи. Но послѣ онъ самъ раскаивался въ своей рѣшимости: онъ ясно сознавалъ, что не сталъ администраторомъ, а только пересталъ быть ученымъ, принужденъ пробавляться старымъ, что угнетало его нравственно.

Съ ректорствомъ кончилась моя особая близость къ А. В-чу. Я самъ удалился отъ него, чтобы не говорили, что я управляю Академіей. Потомъ люди, которые не желали моего вліянія на Академію, старались предубѣдить его противъ меня. Притомъ я разсуждалъ и такъ, что при измѣнившихся служебныхъ отношеніяхъ его дѣло опредѣлить наши отношенія личныя. При своемъ открытомъ характерѣ и дружбѣ къ нему я самъ опасался сдѣлаться передатчикомъ ему такихъ вѣстей, которыя безъ того не должны бы доходить до него по желанію многихъ. А быть съ нимъ постоянно на сторожѣ за собою, чтобы не проговориться, не въ моемъ характерѣ. Когда нужно было что-либо сказать ему, я всегда говорилъ ему при свидѣтеляхъ. Не разъ онъ съ огорченіемъ пенялъ мнѣ, зачѣмъ я не наединѣ сообщаю ему о какихъ-либо беспорядкахъ по Академіи. „А для того, отвѣчалъ я, чтобы виновный имѣлъ возможность или доказать несправедливость моихъ словъ, или оправдать свои дѣйствія. Но у него осталась слабость принимать свѣдѣнія наединѣ и, къ сожалѣнію, только слагать ихъ въ своемъ сердцѣ, не спрашивая прямого объясненія у того, кого касалось сообщенное свѣдѣніе. Это и держало его-же самого въ постоянной тревогѣ и колебаніи. Самъ онъ былъ честный человекъ, лукавить былъ неспособенъ, потому былъ до вѣрчивъ и не вѣрилъ чужому лукавству.

Въ домашней жизни и въ частныхъ отношеніяхъ у него были свои слабости, но были и свойства, способныя глубоко къ нему привязывать. Была въ немъ наклонность къ насмѣшкѣ; но, бывало, побранишь его за то,—и онъ просилъ прощенія. Имѣлъ онъ привычку курить сигары и очень крѣпкія. Этому бездѣлью научилъ его, какъ онъ говорилъ, ректоръ Филаретъ во время холеры, когда куреніе табаку признавали предохранительнымъ средствомъ противъ этой болѣзни. „Самъ Филаретъ, по словамъ А. В-ча, скоро отсталъ и началъ нюхать, а у меня привычка осталась“. Когда

митрополитъ возсталъ противъ табакокуренія, замѣченнаго въ Академіи, и написалъ противъ этого неизвѣстнаго природѣ лакомства дымомъ и прахомъ хутороднаго зелія, А. В-чѣ рѣшился бросить свою привычку и заразъ прекратилъ куреніе. „Дня три, говорилъ онъ, было тяжело, но потомъ—ничего“. До ректорства онъ держалъ для меня трубку и табакъ и даже вскорѣ послѣ того, какъ сталъ ректоромъ, предлагалъ завести въ заднихъ комнатахъ трубку, чтобы я могъ покурить.

При его скрытности и замкнутости въ немъ было много благодушія, задушевности. Во время частныхъ и тяжкихъ моихъ болѣзней онъ навѣщалъ меня съ самымъ искреннимъ участіемъ. Онъ легко поддавался стороннему вліянію; недостатокъ характера сказывался въ немъ нерѣдко; его можно было поколебать въ какомъ угодно рѣшеніи и мнѣніи.

Онъ не былъ свободенъ и отъ пристрастій. Впрочемъ его слабость къ родству и землячеству происходила не изъ того, чтобы именно родство или землячество онъ считалъ достоинствомъ, а изъ склонности преувеличивать достоинства родныхъ и земляковъ.

Доброта его сердца была неистощима. Онъ, кажется, никому не отказывалъ въ посильной денежной помощи, ходатайствовалъ, гдѣ только могъ, за всякаго, кто просилъ у него ходатайства. Студентамъ онъ много передавалъ денегъ и взаймы, и такъ.

Во многихъ отношеніяхъ онъ былъ словно дитя, не зналъ многихъ обычныхъ житейскихъ отношеній, не умѣлъ распознавать людей, плохо велъ свои хозяйственныя дѣла. Прислуга его обкрадывала, и онъ привязывался къ ней. Онъ не только не искалъ земныхъ стяжаній, но нерѣдко отказывался отъ нихъ, когда они шли къ нему законнымъ путемъ, хотя постоянно нуждался въ деньгахъ.

Мать свою онъ, можно сказать, обожалъ. Когда онъ выражалъ скорбь о ея смерти и я началъ что-то говорить о ея лѣтахъ, онъ возразилъ: „мать одна у меня“. Скрытный и осторожный въ кругу сослуживцевъ, особенно во время своего ректорства при возникшемъ несогласіи, онъ отводилъ душу въ откровенности съ матерью.

Велико было его усердіе къ храму Божію. Много лѣтъ въ Страстную недѣлю онъ выстаивалъ службы въ лаврскомъ

Троицкомъ соборѣ, а тамъ одна обѣдня съ часами въ понедѣльникъ продолжается *семь часовъ*. Причащался всегда въ Свѣтлое воскресенье въ Трапезной церкви; на первой недѣлѣ великаго поста также говѣлъ. Посты соблюдалъ строго, весь великій постъ никогда не ѣлъ рыбнаго, кромѣ дней, когда это разрѣшается Церковію. Мясную пищу онъ оставилъ рано, признавая ее для себя вредной; ѣлъ одинъ разъ въ день, никогда не ужиналъ. Бывало, окончить обѣдь и утирается краснымъ бумажнымъ платкомъ. Чай пить любилъ.

Пустыльникъ среди міра, постникъ, примиритель, ко всѣмъ доброжелательный, безпримѣрно неутомимый въ ученыхъ занятіяхъ, съ громадными познаніями, онъ производилъ сильное нравственное впечатлѣніе. Даже люди, только разъ его видѣвшіе, долго оставались подъ обаяніемъ его благочестія и назидательнаго слова. Надѣленный живымъ темпераментомъ, но сдержанный и скромный безъ притворства, онъ до конца жизни остался монахомъ безъ упрека.

17 октября 1875 г.
